

Ставить же знак равенства между мышлением и языком значит отказать от сталинского понимания природы языка и возвратиться к Марру, если не хуже того. Совершенно очевидно, что эта основная тенденция развития мышления находит свое отражение в языке, и в первую очередь в лексике (так называемая лексическая абстракция, которая создает обобщенные значения слов, и наряду со словами, обладающими более частными значениями, создает слова с более отвлеченным значением). Совершенно очевидно, что эта тенденция навязывается мышлением также и грамматическому строю языка и всей совокупности взаимоотношений структурных его элементов, составляющих систему языка. Но в данном случае исходящая из мышления тенденция встречается с различными структурами и поэтому получает неизбежно различное преломление в разных языках. А так как, следовательно, влияние тенденции к обобщенности приводит к возникновению разных и часто противоречивых фактов в различных языковых системах, то нельзя в этой связи говорить о единых законах, обязательных для всех языков.

Точно так же не представляется возможным усмотреть универсальный внутренний закон развития и совершенствования языков в устранении многообразия способов оформления единого грамматического содержания и сведения их к единой унифицированной форме. Если в этих управляемых лингвистической аналогией процессах можно было бы видеть прогресс языка, выражение его внутренних закономерностей развития, то тогда пришлось бы признать суффикс —s, ставший в современном английском языке универсальным для образования множественного числа имен существительных, более совершенным и прогрессивным, нежели суффикс -ы, являющийся только одним из многих способов образования множественного числа существительных в русском языке. А в употреблении в персидском языке, наряду со старыми суффиксами множественного числа -ха и -ан, также и новых заимствованных суффиксов -ат и -джат (багат — «сады», карханджат — «фабрики», рядом с багха и карханаха) пришлось бы признать прямой регресс языка. Аналогическая упорядоченность языка при абсолютной последовательности ее осуществления привела бы к упрощению, а не совершенствованию языка. Но языки в своем развитии не подчиняются полностью аналогии и, наряду с унификацией отдельных своих форм, достаточно активно проводят и дифференциацию их. Именно поэтому более поздние стадии развития одного и того же языка едва ли содержат меньшее количество всякого рода отклонений и исключений, чем более ранние стадии развития этого языка.

Аналогичным образом надо, повидимому, решать вопрос и об общих фонетических закономерностях. Несомненно, что такого рода общие моменты, вытекающие из самой природы звуковой речи, наличествуют. Наряду с другими явлениями они принимают форму разного рода ассимиляций, диссимиляций и пр. Но все эти процессы, как уже указывалось, кроются в физиологической природе речи и потому осуществляются имманентно, вне связи с другими языковыми процессами, вне системной обусловленности и, что самое главное, не диктуются потребностями языка и его процессов развития, направленных в сторону совершенствования имеющихся в его распоряжении средств. Так, например, мимо внутренних потребностей развития языка проходят такие фонетические явления, как сингармонизм гласных в ряде тюркских и других языков, или явление преломления, характерное для германских языков.

Иное дело приспособление элементов фонетики для потребностей языка, включение их в саму систему, что само по себе уже принимает форму закономерных норм в виде определенной системы фонем и пр. В этом случае уже приходится говорить не о каких-то универсальных фонетических законах, а о фонологических особенностях конкретных